

Ванда Змарзер

Социальные стереотипы в русском и польском языках

Studia Rossica Posnaniensia 26, 119-126

1995

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

SOCIAL STEREOTYPES IN RUSSIAN AND POLISH

ВАНДА ЗМАРЗЕР

ABSTRACT. Each comparative investigation of lexical systems must be performed by means of a precisely selected linguistic technique. Under such circumstances it may turn out that differences between related languages (such as Russian and Polish) are not so profound as it is usually considered.

Wanda Zmarzer, Uniwersytet Warszawski, Instytut Filologii Słowiańskiej, ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska – Poland.

Лингвистика издавна воспринимается как одна из областей науки, которая исследует поведение человека. В свое время А. Потбня утверждал, что из всех наук о человеке лингвистика является самой важной. Утверждение это остается актуальным и в настоящее время. Так, Делл Х. Хаймс пишет, что мысль о том, что изучение речи может иметь решающее значение для науки о человеке, стала постоянной темой антропологической литературы¹. В свою очередь некоторые антропологи рассматривают язык, а в связи с этим и языкознание, как основу науки о человеке, поскольку он является звеном между биологическим и социально-культурным уровнем². Несколько упрощая, можно сказать, что это возможно благодаря тому, что в человеческом мозгу зафиксированы определенные семантические концепты или константы как первичная форма познания объективного мира, которые находят отражение в языке³.

Наличие семантических констант как специфических ментальных единиц (таких, как субстанциональность, процессуальность, качественность и др.) является общепринятым в современной лингвистической науке. Эти единицы входят в сложные отношения с

¹ Делл Х. Хаймс, *Этнография речи*. В: Новое в лингвистике, вып. 7, Москва 1975, с. 42.

² Там же.

³ Ю. Люкшин, *Принципы синтаксического анализа предложения в русском языке*, Warszawa 1987, с. 24.

выражаемыми языком значениями. По своей природе семантические константы универсальны, так как они представляют инвариантное содержание отрагательной деятельности человека. Свойством такой семантической константы является то, что она может быть передана разными единицами в данном языке и единицами разных языков. Таким образом, семантические константы служат для членения окружающей нас действительности.

У. Вейнрейх утверждает, что „семантическое членение (картирование) действительности тем или иным языком является произвольным и „семантическая карта” какого-то одного языка отлична от „семантических карт” всех прочих языков”⁴. Язык имеет тенденцию структурировать реальный мир, трактуя как существенные одни явления и игнорируя другие⁵. Поскольку язык определяет наше восприятие действительности, а разные языки устроены по-разному, то следует полагать, что разные языковые коллективы по-разному видят то, что объективно является одной и той же действительностью⁶.

В соответствии с гипотезой Сепира-Уорфа можно полагать, что в языке отражена культура данного народа. Р. Ладо писал, что „культура есть структурированная система моделированного поведения человека”⁷. Культура, таким образом, приравнивается к обычаям народа. По словам Дж. Лайонза, язык конкретного общества является составной частью его культуры, а лексические разграничения, проводимые каждым языком, обычно отражают важные с точки зрения этой культуры свойства объектов, установлений и видов деятельности того общества, в котором функционирует язык⁸.

Учитывая сказанное, целесообразно провести сравнение лексического материала двух языков, чтобы получить более или менее достоверную лингвистическую диагностику в этом плане. В свое время В. Скаличка писал, что лингвистические исследования настолько тяготеют к сравнению, что всякого рода сравнения теперь могут (но не должны) отсутствовать лишь в грамматиках родного языка. По этой причине представляется чрезвычайно важным классифицировать различные способы сравнения. Особенно неясны, считает В. Скаличка, различия между типологическим и сопостави-

⁴ У. Вейнрейх, *О семантической структуре языка*. В: Новое в лингвистике, вып. 5, Москва 1970, с. 163.

⁵ G. Leech, *Semantics*, Harmondsworth (Middl.) 1974, с. 232.

⁶ К. Джейнс, *Контрастивный анализ*. В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 25, Москва 1989, с. 290.

⁷ Р. Ладо, *Лингвистика поверх границ культур*. В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 25, Москва 1989, с. 50.

⁸ J. Lyons, *Introduction to theoretical linguistics*, Cambridge – London – New York 1968, с. 423.

тельным (или сравнительным) анализом, что подчас приводит к путанице. Главное различие между отдельными методами исследования он видит в объеме привлекаемого лингвистического материала. По его мнению, сопоставительный анализ, как правило, строится на материале двух языков, типологический же подразумевает рассмотрение всех языков (реальных и возможных) в синхронном и диахроническом аспектах⁹. Я не вполне согласна с такой точкой зрения, так как в моем понимании сравнительный или сопоставительный, а вернее конфронтативный анализ проводится на базе двух близкородственных языков, в то время как типологический анализ касается всех языков на современном этапе их функционирования¹⁰.

В настоящем исследовании из-за технических ограничений привлекается материал только двух родственных языков: русского и польского. На следующем этапе работы будут включены также другие языки.

Хотя семантическое членение действительности, наблюдаемое в языках, как отмечалось выше, произвольно, тем не менее в ряде случаев наблюдается явный параллелизм как между родственными, так и неродственными языками. Эта тождественность, как справедливо отмечает Р. Ладо, имеет характерные признаки в каждой культуре и представлена обычно разнообразными классами явлений. Один такой класс во многих культурах состоит из единиц, трактуемых как статические сущности, например, мужчины, женщины, дети и т.д.¹¹ В разных культурах существуют свои языковые характеристики этих статических сущностей, которые назовем здесь социальными стереотипами. Они состоят из набора типичных черт, признаков, присущих людям и зафиксированных в языковом знаке.

В настоящей статье в центре внимания находятся признаки и приметы людей, зафиксированные в двух языках в качестве устойчивых наименований, иначе говоря, вербальных или социальных стереотипов. Для сравнения привлекается лексика, характеризующая мужчин и женщин в русском и польском языках. С формально-грамматической точки зрения это имена существительные, называющие лиц мужского и женского пола, так как именно в таких лексемах отражены постоянные и типичные черты людей, свойственные им в качестве их неотъемлемых признаков.

⁹ В. Скалчак, *Типология и сопоставительная лингвистика*. В: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 25, Москва 1989, с. 27-28.

¹⁰ Более подробно по этому поводу см.: W. Z m a r z e r, *Podstawy analizy konfrontatywnej języków pokrewnych*, Warszawa 1992, с. 7-22.

¹¹ Р. Ладо, ук. соч., с. 51.

Лексический материал, извлеченный из толковых словарей русского и польского языков, позволяет утверждать, что люди характеризуются в обоих языках по разным признакам: по возрасту, по внешнему виду, по внутренним признакам, по свойствам характера, по роду деятельности, на основе интимных отношений и т.д. В рамках настоящей статьи ограничусь тремя группами слов: именами существительными, характеризующими лица мужского и женского пола по возрасту, на основе интимных отношений и по внешнему виду.

По возрасту люди обычно делятся на три категории: дети, взрослые и старики. Иногда выделяется дополнительная категория – подростки. В обоих языках с этой точки зрения наблюдаются близкие соответствия. В русском языке: *дитя, ребенок, ребяенок* (прост.), *сосун, сосунок* и пренебрежительно: *сопляк, щенок*. В польском языке: *dziecko, osesek, malec, maluch*. Более взрослого ребенка мужского пола в русском языке называют мальчишкой, мальцем; в польском – *chłopcem, chłopakiem*, а также (оценочно): *chłopczyna, pętak*. Застенчивый ребенок в русском языке носит название *дичок*, а неопрятный – *поросенок, свинок*. Такого типа наименований словарь польского языка не фиксирует. В словаре русского языка отмечены названия, касающиеся переходного возраста детей, ср.: *отрок, подросток, подлеток*. В польском словаре таких соответствий нет.

Лицо мужского пола, достигшее зрелости, но не состоящее в браке, в русском языке носит наименование: *парень, юноша, юнец*. Оценочно: *паренок, парнишка, парняга, парнюга*. Ср. также: *щенок, пащенок, оголец*. В словаре польского языка отмечены только нейтральные названия: *chłopak, chłopiec*; названия невзрослого сына состоятельной семьи: *panicz, paniczek, panek*; название младшего возрастом ребенка: *junior* и старшего в группе: *starszak*. Последним наименованиям нет соответствий в словаре русского языка.

Наименования лиц мужского пола в зрелом возрасте в обоих языках имеют полные соответствия: *мужчина – mężczyzna*; мужчина, имеющий детей: *отец – ojciec, rodzic* (оценочно: *nana, nanka, papania, papusia*; *ojczulek, tato, tatko, tatuś*). Отдельно в обоих языках существует название деревенского мужчины: *мужик – chłop*.

В польском языке выступает название *pan*, которое относится к взрослому мужчине и выступает как нейтральное обращение к лицу мужского пола. В русском языке ему нет соответствия.

Лицо мужского пола в пожилом возрасте в русском языке носит название: *старик* (оценочно: *старичок, старикан, старикашка, старичина, старичишка, старичонка*); отец матери или отца – *дед* (оценочно: *дедка, дедушка*, а также – *хрыч*, бранное). В польском языке выступают близкие соответствия: *starzec* (оценочно: *staruch*,

staruszek, dziadyga); отец матери или отца: *dziadek*, а человек старый и бедный – *dziad*. Здесь выступают явные семантические расхождения в русском и польском языках по отношению к словам: *deò/dziad*.

Названия лиц женского пола детского возраста в русском языке: *девочка, девчонка*; девочка, отличающаяся живым нравом – *резвунья, резвушка* (только в русском языке). В польском языке: *dziewczynka, dziewczeczka* (оценочно: *dziewuszka, dziewczątka, dziewczysko, dziewczynisko*). Лицо, достигшее зрелости в русском языке: *девушка*, в польском: *panna, panienka* (оценочно: *pannica*). Только в польском языке бытовое наименование деревенской девушки: *dziewka, dziewczowja, dziewucha*; застенчивая девушка – *dzikuska*.

Взрослое лицо женского пола в русском языке: *женщина*; замужняя женщина – *жена*; молодая замужняя женщина – *молодица, молодуха*; почтенная замужняя женщина – *матрона*; женщина, имеющая детей – *мать* (оценочно: *мама, маменька, мамаша* и т.п.); рослая и полная женщина – *баба, бабуца* (разг.).

В польском языке наблюдаем близкие соответствия: *kobieta, pani* (одновременно вежливое обращение к лицам женского пола); замужняя женщина: *żona (żonka, żoneczka, оцен.)*; женщина, имеющая детей: *matka*; оценочно: *tama, tamusia, tamunia* и т.п.; почтенная женщина: *madonna*. Не имеет эквивалента в польском языке слово *молодица*. Кроме того, в словаре польского языка зафиксированы проницательные наименования лиц женского пола: *damula, damulka*; наименование деревенской женщины: *chłopka*. В русском словаре эквивалентных обозначений не находим.

Пожилая или старая женщина в русском языке носит название: *старуха* (оценочно: *старушка, старушонка, старица*). В польском языке: *staruszka* (оценочно: *starucha*). Кроме того, полная женщина в пожилом возрасте – *baba*. Женщина, являющаяся матерью отца или матери, в обоих языках имеют близкие соответствия. В русском языке: *бабушка, бабуся*; в польском – *babka, babcia, babusia*.

Из приведенных примеров видно, что несовпадения в названиях, являющихся характеристиками людей по возрасту, в обоих языках выступают очень редко и обоснованы они прежде всего различными лексикографическими принципами: включением в словарь большого количества оценочных слов в одном языке и отсутствием таких в другом, а также известной культурной традицией. Так, в традиции польского языка существовали слова: *pan, pani* не имеющие эквивалентов в русском языке. И только в последнее время в русский язык возвращаются такие наименования, как: *господин, госпожа, сударь, сударыня*.

Вторую группу в обоих языках составляют названия мужчин и женщин, характеризующие их с точки зрения интимных отноше-

ний. Такие имена существительные явно распадаются на две группы по степени эмоциональности: нейтральным словам противопоставят экспрессивно окрашенные лексемы.

Нейтральными в обоих языках являются названия лиц мужского пола, близкие друг другу по значению: *мужчина/mężczyzna*, а также: *женух/kawaler*. Названия лиц с легкой эмоциональной окраской: мужчина, не имеющий половых связей: *девственник; prawi-czek*; мужчина, ухаживающий за женщинами: *поклонник, ухажёр, обожатель; amant, adorator, zalotnik*; мужчина, состоящий в браке одновременно с несколькими женщинами: *многоженец; bigamista*; мужчина, чрезмерно любящий ухаживать за женщинами: *женолоб; kobieciarz, babiarcz*; ревнивый мужчина: *ревнивец; zazdrośnik*; мужчина, находящийся во внебрачной связи с женщиной: *любовник, полюб-бовник; kochanek, kochaś*; привлекательный мужчина: *прелестник; la-luś, modniś, apollo*.

Кроме того, в русском языке отмечены названия: *холостяк* (неженатый мужчина) и *однолюб* (любящий одну женщину), которым нет соответствий в словаре польского языка. В свою очередь польские слова *salonowiec* (мужчина с изысканными манерами), *rozwodnik* (мужчина, расторгнувший брак) не имеют эквивалентов в словаре русского языка. Слово *донжуан* в русском языке эмоционально насыщено, а в польском языке не имеет такой негативной окраски.

Остальные названия лиц мужского пола в данной группе являются в обоих языках негативными характеристиками с ярко выраженной экспрессией. В русском языке: *альфонс, содержатель, эротоман, соблазнитель, нимфоман, потаскун, волокита, распутник, беспутник, вертун, донжуан, импотент, хахель* и (вульг.) *кобель*. В польском языке: *alfons, erotoman, nimfoman, uwodziciel, balamut, lubieżnik, flirtciarz, powsinoga, rozpustnik, impotent, kurwiarz* (вульг.). Среди них не имеют полных соответствий русское слово *хахель* и польское *flirtciarz*.

В названиях лиц женского пола в обоих языках также выделяются два типа слов: нейтральные и эмоционально окрашенные. К нейтральным в русском языке относится слово *невеста*, а в польском *panna*. Некоторые слова данной группы имеют неярко выраженный эмоциональный оттенок. Ср. в русском языке: *девственница; милка, милаша, милашка; любовница; кокетка, очаровательница; голубка* (ласк.). В польском языке: *prawiczka, kochanka, kokietka, uwodzicielka, gołąbka, rozwódka, zazdrośnica*. Русские названия женщин *милка, милаша, милашка*, имеющие народно-поэтическую окраску, не находят соответствий в словаре польского языка, в то время как польские названия *rozwódka, zazdrośnica* не имеют эквивалентов в словаре русского языка.

Гораздо большее количество слов в данной группе составляют в обоих языках названия лиц женского пола с негативной эмоциональной окраской. В русском языке это слова: *наложница, содержанка, нимфоманка, эротоманка, беспутница, потаскуха, потаскушка, вертушка, блудница, шлюха, проститутка, вакханка, мессалина, куртизанка, сука* (вульг.). В польском языке им соответствуют близкие по значению и эмоциональности названия: *rozpustnica, balamatka, erotomanka, nimfomanka, prostytutka, kurtyzana, ladacznica, flejtuch, dewotka*.

Третью группу в обоих языках составляют названия лиц по внешнему виду. Характерной особенностью этой группы является то, что характеризующие имена существительные выступают в основном в форме мужского или общего рода. Только некоторые из них имеют формально выраженную форму женского рода.

В словаре русского языка отмечен ряд разнообразных типов названий лиц по их приметам. Физически крепких людей называют: *крепичи, геркулес, здоровяк, молодец, красавец/красавица, раскрасавец/раскрасавица*. Людей со слабым здоровьем и неприглядным внешним видом называют: *дохлятина, худоба, худышка, замухрышка, горбач, носач, лохмач, растрепан, очкарик, усач, невеличка, малявка, козьявка, карлик, урод/уродка, уродец, раскоряка, гольши, оборванец, оборвыш/оборванка, лохмотник/лохмотница, босяк, бродяга* и под. Красиво одетый человек – это *модник/модница, франт, пижон, шаркун*. По цвету волос: *шатын/шатынка, брюнет/брюнетка, блондин/блондинка*. По цвету кожи: *смугляк/смуглянка, чернавка*. По иным внешним признакам: *слепец, хрипун, храпун, левша, заика*.

В словаре польского языка данная группа названий представлена гораздо скупее. Среди названий данной группы не отмечены слова, указывающие на физическую силу человека. Довольно ограничены по сравнению с русским языком ряды имен существительных, обозначающих внешнюю дефективность людей. К ним относятся следующие лексемы: *slabeusz, chudziak, chudzielec, chudzina, wymoczek, cherlak, charlak, pokraka, ślepak, ślepiec, nosacz, wąsal, brodacz, grubas/grubaska, tłuścioch*. По цвету волос: *blondyn, blondynka, rudzielec, czarnuch/czarnuszka, czarnula*. Мужчина с красной внешностью: *przystojniak*.

Представленный выше материал, извлеченный из толковых словарей двух родственных языков, позволяет сделать следующие выводы. Социальные стереотипы мужчины и женщины в обоих языках одинаковы: *мужчина* – это лицо мужского пола среднего возраста и без особых примет, *женщина* – лицо женского пола среднего возраста и без особых примет. Разнообразные признаки, присущие лицам мужского и женского пола, отражены в специальных

названиях, которые почти одинаково в обоих языках характеризуют людей по возрасту, на основе интимных отношений и по внешнему виду. Словари обоих языков¹² широко отражают систему эмоциональных оценок людей. В словаре русского языка зафиксировано большее по сравнению с польским словарем количество разговорно-бытовой лексики, благодаря чему выявлено большее количество стереотипов в третьей группе. Вместе с тем в словаре русского языка, просматривается тенденция ограничить включение определенных слов по соображениям, видимо нравственного свойства (так, в нем отсутствуют слова *разведенец* – *разведенка* и под.).

Если судить по данным словарей, то в русском языке социальных стереотипов, относящихся к характеристике людей по внешнему виду, не только гораздо больше, чем в польском языке, но они к тому же более разнообразны.

Таким образом, можно утверждать, что при сравнении похожих цивилизаций и культур двух родственных народов не следует ожидать слишком ярких этнопсихолингвистических различий, зафиксированных в структуре словаря. Каждое издание над словарем в этом смысле выводит сопоставительное описание лексических систем за пределы собственно научного исследования.

¹² *Словарь русского языка в 4 томах*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва 1981-1984; *Słownik języka polskiego w 3 t.*, pod red. M. Szymczaka, Warszawa 1982-1983.